

Автобиография 1

Я, Стрельникова Елена Романовна, родилась в семье военнослужащего в Донецком городе Краматорске, куда в то время был переведен военпредом мой отец. Произошло это 27 октября 1947 года в день празднования иконы Божией Матери – Игуменнии Горы Афонской, который не упоминается в нашем календаре. Событие сие ознаменовалось тем, что я настолько торопилась увидеть свет Божий, что мама не успела обратиться за врачебной помощью, и роды пришлось принимать папе. Он оказался искусным акушером, приехавший врач похвалил его, поскольку и пупок он тоже перевязал сам.

Вероятно, с тех пор, авторитет отца всегда был для меня непререкаем, а его образ и поныне не затмевается сравнениями с другими. Это был боевой морской офицер, прошедший всю войну на Северном флоте, лауреат Государственной премии за свои изобретения. Достаточно сказать, что, будучи большим начальником, в нем не было никакой вельможности, напротив, он всегда был очень открыт для людей и всегда пытался им помочь, поддержать и выручить. А когда он получал новое назначение, его подчиненные старались переводиться следом за ним. Внешне всегда подтянут, аккуратен, форму морского офицера носил всегда с достоинством. До 80-ти лет оставался рыцарем по отношению к женщинам, не садился в транспорте, если хоть одна женщина стояла. За всю свою жизнь я не помню, чтобы когда-нибудь отец был небрит, неподтянут или во хмелю. И не было дела, которого бы он не умел делать или избегал бы исполнить. Сам всё чинил и мастерил, был гостеприимным хозяином.

О маме у меня сохранилось меньше воспоминаний, поскольку мы со своей старшей сестрой рано осиротели. Мама была больна туберкулезом в открытой форме, как тогда называли, чахоткой, и чаще находилась в больницах или санатории, чем дома. А дома тоже была от нас изолирована, поскольку заразилась моя сестра, и меня в детстве почти не пускали к маме.

Хотя я была послевоенным ребенком, но отзвуки войны были частью нашей жизни. Мое рождение совпало с отменой продовольственных карточек. Это была большая радость для людей, хотя продуктов питания по-прежнему не было. И все еще голодали. Маму вскоре поместили в больницу, поставив ошибочный диагноз о туберкулезе костей и уложили в гипс. Кормить меня-младенца было нечем. Спасла меня одна женщина – Мария Горохова, которая оторвала от груди своего 6-месячного сына, чтобы я не умерла с голоду. У меня есть молочный брат Леонид, который разыскал меня через 50 лет, но это другая история.

Из Краматорска отца перевели в Николаев, а оттуда – в Ленинград, город юности родителей. В 1961 году, накануне своей кончины мама настояла на том, чтобы я начала определять свою будущую профессию, и я поступила в педучилище им. Н.А. Некрасова. Это достойнейшее учебное заведение я вспоминают с большой благодарностью не только потому, что оно давало прекрасное классическое среднее образование. Училище помещалось в старинном доме, по всей видимости бывшей гимназии. Заведение оказалось чисто девичьим, поскольку юноши искали других путей в образовании. И это я тоже отношу к положительным чертам училища. В нем была необычайно творческая атмосфера, нас учили всему необходимому не только в профессии учителя, но и тому, что может пригодиться в жизни. Непременным было музыкальное образование, поскольку учитель начальных классов в те времена должен был уметь преподавать все предметы, в том числе пение, рисование, физкультуру, кино и фотодело, уметь вести всевозможные кружки. Был обязательным хор. Мы участвовали в концертах, вечерах, диспутах, встречах с интересными людьми.

По окончании училища в 1965 году в свои неполные 18 лет я попала не по профилю в школу для умственно-отсталых детей в 1-й “речевой” класс, где должна была учить детей грамоте по специальной программе. Я выдержала только год испытания и поняла, что с больными детьми, а теперь уже и со здоровыми я не смогу работать. Поступила в Ленинградский Университет на исторический факультет на вечернее отделение.

Автобиография Стрельниковой Елены Романовны

Родилась в 1947 г. в городе Краматорске Донецкой области в семье военнослужащего. Когда мне исполнилось 15 лет, умерла мама. Мы с сестрой остались с папой и няней. В 1965 г. окончила Ленинградское педучилище им. Н.А. Некрасова, работала учителем в начальной школе, потом в детском саду. В 1967 г. поступила на вечернее отделение исторического факультета Ленинградского Университета. Учебу приходилось совмещать с работой, трудилась на заводе, на ткацкой фабрике, в музее. В 1971 г. вышла замуж, в 1972-м родила сына. В 1973 г. окончила Университет, защитив диплом по кафедре медиевистики. Однако трудоустроиться по специальности не смогла, и моя деятельность продолжилась в научном отделе Музея Революции.

В 1982 г. с 10-летним сыном я оставила северную столицу и переехала в село Ферапонтово Кирилловского района Вологодской области. Это решение было вызвано несколькими причинами: профессиональными, семейными и духовными. Семейные причины я опускаю. Что же касается профессиональных, то мне стало душно в музее, нужна была какая-то новая стезя. Душа просила чего-то, но чего — еще не осознавала. Сложилась тупиковая ситуация во всех сторонах моего бытия, и требовалось более глубокое осмысление всего, чем я жила до этого. Иными словами, Господь, желая спасения каждой души, отводил меня от полной гибели.

Толчком для решения о перемене образа жизни послужила больничная койка. “Скорая помощь” доставила меня в Боткинские инфекционные бараки, не допустив отъезда в Москву в очередную командировку. Когда меня вывели из бредового состояния, и я смогла соображать, то задалась вопросами: почему я здесь оказалась? что “не то” я делаю в своей жизни? какое решение должна принять? И пока я не ответила себе на эти вопросы, из больницы меня не выписали (диагноз мне так и не поставили, но это было уже неважно).

Находясь в больнице, получила приглашение на работу в Музей фресок Дионисия, который находится в стенах древнего Ферапонтова Белозерского монастыря. Я решила попробовать себя в новом качестве и в новом образе жизни, назначив испытательный срок в один год. С тех пор прошло 24 года, и я ни разу не пожалела о том, что избрала этот путь и это место, как бы тяжело здесь ни приходилось. Ферапонтово стало моей духовной родиной, здесь я пришла к Богу, начала воцерковляться. Когда в монастыре начал действовать приход, я оставила музейную работу и перешла в Церковь. Была старостой, певчей, делала то, что необходимо.

Сын окончил Ферапонтовскую среднюю школу и поступил в семинарию в Санкт-Петербурге. После первой сессии его забрали в армию. Отслужив 2 года, вернулся на учебу. После семинарии закончил Духовную Академию. Сейчас он иерей, служит в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга. Моя семья стала многолюдной. Батюшка с матушкой растят четырех сыновей. Все лето они проводят в Ферапонтове, чему я очень рада, потому что Белозерские святые внукам становятся так же дороги, как и мне.

В настоящее время продолжаю исторические исследования. Они касаются судеб духовенства в XX веке после закрытия монастырей и церквей бывшего Кирилловского уезда Новгородской епархии. Темой моего исторического интереса являются в основном новомученики. Я являюсь членом Комиссии по канонизации при Вологодском епархиальном управлении, а также состою в правлении общественной организации — историко-просветительского общества «Наследие Ферапонтова монастыря». По этой и другим темам имею ряд публикаций в журналах и несколько отдельных книжек.